

Д. БЫСТРОЛЕТОВ

Рисунки автора

ЗЕЛЕНый АД

ОЧЕРК ТРЕТИЙ

ЭТО была обычная здесь поездка в дрянной машине по скверной дороге, жаркая и потная тряска под ущербным месяцем в туче москитов и мотыльков. Вначале дорога вилась по низкому берегу реки, подернутому душливой мглой, потом свернула в лес. Стало очень душно и темно. Машина прыгала по ухабам, и все-таки от усталости ван Эгмонт сейчас же задремал. Но не надолго. Водитель сделал резкий поворот в сторону и остановился на обочине.

ПОТОК ДРЕВЕСИНЫ

Навстречу двигалась какая-то большая тень. Слышалось сиплое дыхание десятка людей, хриплый кашель, хлопанье палки по голым телам и непрерывное тьяканье:

— Скорей! Скорей! Скорей!

Ван Эгмонт зажег карманный фонарь. Группа конголезских рабочих катила по дороге чудовищный обрубок дерева метра два-три в поперечнике и метров пять в длину. Все рабочие были вооружены кольями, которые они подсовывали под обрубок в виде рычагов и так передвигали этот чудовищный груз вперед, несмотря на неровности дороги и рельеф почвы. Сквозь белый луч фонаря проплыли искаженные от натуги лица, выпученные глаза, высунутые языки. Сзади вертелся надсмотрщик, очевидно, отставной солдат, судя по мятой фуражке и рубашке казенного образца. Обливаясь потом, он изо всех сил работал палкой и горлом: из темноты непрерывно доносились звуки ударов и собачий, сорванный голос:

— Скорей! Скорей! Скорей!

— Откуда они?

— С концессии, мсье, — ответил конголезец-во-

дитель и закурил. — Катят болванки к реке, в порт. Я нарочно повел машину в объезд, хоть дальше, но все-таки скорее: теперь нам не дадут ехать свободно, я уж знаю.

— Да разве можно катить вручную такую тяжесть?

— Можно, мсье. Недаром белые люди про свою тяжелую работу сами говорят: «Я работал, как негр».

— А если дорога пойдет вверх, ну хотя бы на совсем ничтожные сантиметры?

— Она на участке в несколько километров не может быть ровной, как стекло, мсье. Станет подниматься — надсмотрщик нажмет посильней, вот и все. Докатят, не сомневайтесь. Но сами доживут не все.

— Что вы хотите сказать?

Но водитель дал газ и машина запрыгала дальше. Художник заснул и скоро снова был разбужен. Задремлет — и снова слышит сквозь дрему все то же слово, одно это проклятое слово:

— Скорей! Скорей! Скорей!

И мимо тащится очередная рабочая партия — такой же чудовищный обрубок, те же высунутые языки и натужный стон и то же гнусное хлопанье палки по голым телам. Сплошное движение громадных обрубков. Поток древесины. Это была скверная ночь. Обрубковый кошмар.

«БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК»

Небольшой белый поселок Мбона — типичная для Восточной провинции Конго база иностранной концессии. Опрятные домики администрации, гостиница, крохотный универмаг, чуть дальше — кое-как сколоченные жалкие хижины рабочих, а позади — могучая зелено-черная стена девственного леса-гилей. Отдохнув, ван Эгмонт явился к жандармскому сержанту, господину Эверарту.

— Я могу отправиться, господин сержант?

Продолжение. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 3 и 4 за 1963 год.

— А пропуск до леса?
— Какой еще? Ведь я вам сдал разрешение на экспедицию в Итурийские леса.
— Вы меня не поняли, мсье. Вам разрешено пересечь Большой лес с выходом к восточной границе. Но между концессией и Большим лесом дорога проходит через одно частное владение, и вам нужно разрешение владельца — мсье Чонга.

— Кто это?

— Богач. Владелец гостиницы в Стэнливиле и дома, где вы сейчас остановились. Мсье Чонга знают даже в столице. Там он собирается тоже строить гостиницу. Права владельца нужно уважать, не так ли? Но дело поправимое... Он вчера приехал из Стэнливиля и с утра осматривает свои плантации. Здесь будет с часу на час. Видели большой дом около магазина и склада? Это его. Большой человек!

— Конголезец?

— Д-д-да... Туземец... Но большой человек, говорю вам. Контрагент концессии, снабжает пищевыми продуктами рабочих и вывозит кругляк в порт.

— Как «вывозит»? Я видел по дороге партии рабочих, которые катят обрубки по шоссе!

— Да, он доставляет лес накатом. Прибыльное дело, очень прибыльное! Кормежка лесорубов, доставка из лесу к реке — это мелочи, концессия не может с ними возиться, но эти мелочи приносят немалые денежки. Мсье Чонга — бывший сельскохозяйственный инструктор из солдат, но его выгнали, и он едва устроился здесь поваром на рабочей кухне. Потом стал подрядчиком по закупке продуктов, а где их в такой глуши закупить? Лесные разработки растут. Концессия не может ждать, и мсье Чонга добился разрешения на плантацию, а живую силу получает через меня. Поняли, мсье? Чонга открыл здесь магазин, сейчас все здесь — его. Построил деревеньку в лесу и потихоньку...

— Не потихоньку, а незаконно?

— Нет... То есть да, конечно. Словом он выписал себе лишних рабочих как бы для банановой плантации, поселил их в лесу и гоняет за каучуком. Выгодное дельце.

— Еще бы. Рабочих оплачивает концессия?

— М-м-м... Да...

— Ну, такой жулик далеко пойдет. Да и вы за поставку людей получаете малую толику, ведь так? Хе-хе-хе, господин сержант!

— Хе-хе-хе, господин ван Эгмонт...

Сержант поежился и промямлил нехотя:

— Конечно, не все деньги идут только в его карман. Зарабатывает он много, но приходится делиться, не забывать. А не то...

Он сделал выразительный жест рукой.

— Пусть почаще смотрит в зеркало на свою черную морду и помнит... Хе-хе-хе, господин ван Эгмонт...

Хе-хе-хе, господин сержант!

«СКОРЕЙ! СКОРЕЙ! СКОРЕЙ!»

Бельгийские текстильные фабрики выпускают для местного населения специальные ткани с особо упрощенным рисунком и режущей глаза расцветкой. Конечно, конголезская деревенская толпа вблизи выглядит не столько грубо-театральной, сколько нищей. Но издали рабочие бригады, планомернодвигающиеся на окраине величественного леса в ритме организованного труда, производят праздничное впечатление, и их движение радует, как огромный хоровод. Ван Эгмонт стоял на вершине небольшого холма и глядел вдаль.

Потом слух его различил одно слово, доносившееся с поляны. Слабо, но явственно над огромным пространством и сотнями людей витало только одно проклятое слово:

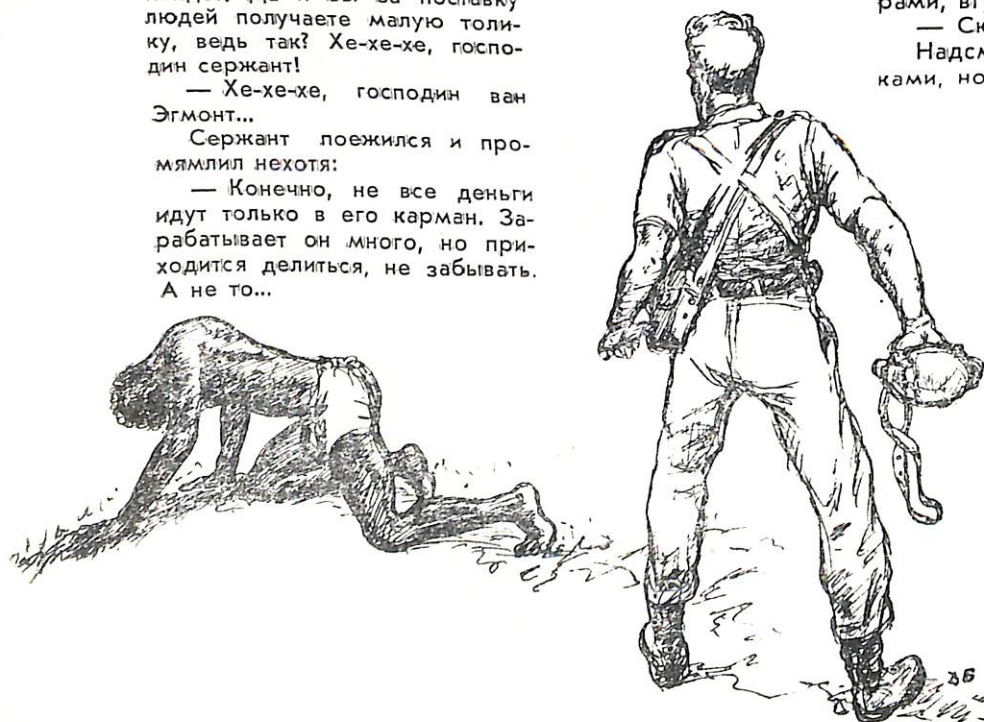
— Скорей! Скорей! Скорей!

Художник долго бродил по участку лесных разработок. Все это казалось ему просто невероятным.

К заранее выбранному обширному массиву с чрезвычайными усилиями и затратами подводится глинобитная дорога, позволяющая доставлять добытый лес к реке. Таким образом, выбор места порубки определяется не столько количеством и качеством древесины (они здесь всегда превосходны), сколько транспортными возможностями. Казалось бы, это должно заставить концессионера быть рачительным хозяином: ведь истощение запаса товарной древесины неминуемо ускорит необходимость проведения нового шоссе к какому-нибудь другому массиву. Ничего подобного здесь не было. Бельгийский специалист по очереди объезжает участки и указывает конголезцам-инструкторам, где именно и какие нужно рубить деревья. Инструкторы натравливают на сбившихся в кучи рабочих банду надсмотрщиков, и начинается зверская расправа над людьми и природой. Рабочие, вооруженные топорами, вгрызаются в джунгли.

— Скорей! Скорей! Скорей!

Надсмотрщики яростно работают палками, кулаками, ногами. Ошалелые рабочие кидаются на плотную зеленую стену. Прежде всего распугиваются ядовитые змеи. Сотни лиан, твердых и упругих, как стальные тросы, и десятки папоротниковых деревьев и колючих кустов должны быть удалены, чтобы образовался узкий проход, куда потом стараются свалить дерево — могучий колосс в десятки метров вышиной. А толщиной? Ведь чтобы такой великан прочно стоял на вечно сыром грунте, нужны исполинские корни, целая система твердых, как металл, корневой толщиной с туловище человека и больше. У основания все такие деревья очень толсты и прочны — корневая система поднимается до уровня одноэтажного дома. И вот голые люди, обливаясь ручьями пота, взбираются на дерево и, кое-как примостившись на корнях и лианах, начина-

ют топорами долбить его твердую древесную массу, как будто бы быт в железобетонный бык большого моста, держась ногами и руками за стальные тросы. Ван Эгмонт наблюдал, какие ничтожные результаты дает один удар такого повисшего в воздухе человека — зазубрину на колонне в пять-десять обхватов! Но топоров много, и людей еще больше. Изнеможенного африканца оттаскивают за ноги в кусты, а полый горячим потом топор подхватывает новый рабочий. И над всем этим один истошный, надрывной вой:

— Скорей! Скорей! Скорей!

Но вот великан вздрагивает... Качается... И медленно валится вниз. Падая, он ломает десятки ненужных концессионеру деревьев: на месте одного срубленного дерева образуется большой участок бурелома. Пустота. К тому же ствол не попадает точно в заготовленный просвет, и приходится производить дополнительную расчистку рабочего места.

Инструктор, как муравей, ползет по лежащему стволу, быстро, быстро, взад и вперед. Он словно нюхает зеленый сумрак, черная голова вертится туда и сюда. Вдруг он спрыгивает: дальнейший ход работы ему ясен:

— Скорей! Скорей! Скорей!

И снова удары, ручьи пота, искаженные от усталости и ужаса лица. Рабочие рубят ветви и оттаскивают их в сторону и сейчас же принимаются за рубку ствола на части.

Время идет. И теперь из обрубленной листвы и грязи торчит все больше и больше курчавых голов и тощих ног. Но на смену выбывшим из строя становятся новые и новые люди, и работа быстро продвигается вперед. Невероятное, фантастическое падение голых голодных людей на этот девственный лес, кажущийся таким неприступным!

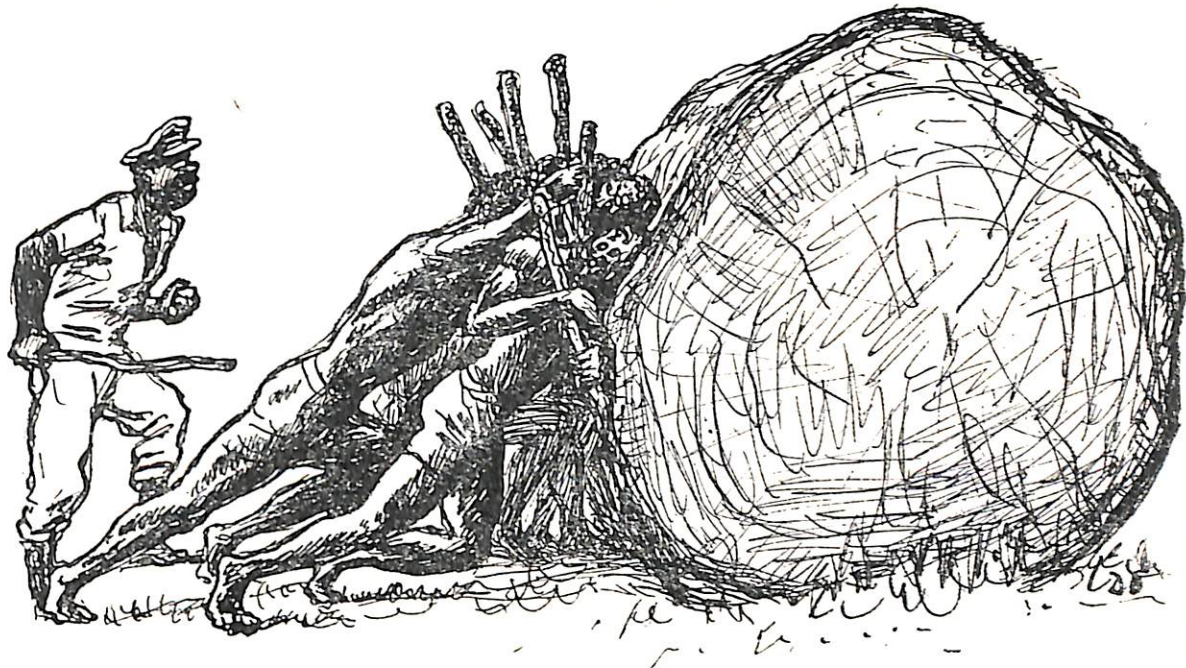
Гигантский ствол, лежащий на дне полутемного колодца, отликает голубиной далекого неба, он весь покрыт черными человеческими муравьями. Потом на нем появляются глубокие борозды, и ствол на глазах распадается на отрезки.

— Скорей! Скорей! Скорей!

Надсмотрщики уже охрипли, они еле держатся на ногах: это безумие действует на всех, это опьянение свирепостью такого труда, его бессмысленной беспощадностью, это пляска смерти, торжество истребления...

«БАНАНОВЫЕ МОТОРЫ»

С невероятным усилием рабочие колями разворачивают чудовищные обрубки и пуском выкатывают их из лесу. Вот крики и стоны, удары и самое это проклятое слово «скорей» стихают. Тогда все оживает: снова начинают петь птицы, на ветвях опять скачут обезьянки. Только теперь видно опустошение, произведенное человеком из-за одного нужного куса древесины. Сломленные или изуродованные

деревья... Лежащие в изнеможении люди... Точно ураган пронесся здесь!

Ван Эгмонт наклонился над одним из лежащих. Жив он или умер? Один глоток крепкого чая может помочь скорее восстановить его силы. В зеленосерой полутьме художник присел над лежащим.

Из листвы на него в упор глядели два глаза. Огромных от внутреннего напряжения. Слегка покрасневших от беззвучных рыданий. Минуту два человека смотрели друг на друга. «Белый», — с ужасом прошептали побелевшие губы. Африканец застонал, поднялся на четвереньки и пополз в кусты. Художник завинтил пробку фляги и вышел на дорогу.

— Разве это экономически выгодно? — спросил он Эверарта. — Из-за одного дерева портят десятки других!

— Выгодно. Это дерево будет продано, а те ничего не стоят.

— А когда нарастут новые деревья?

— Никогда. Гилея не возобновляется, вторичные деревья не бывают равноценны первичным: сначала вырастут деревья помельче, потом захиреют и оставшиеся вокруг них гилейные экземпляры. Гилея заменяется только мелколесьем...

— А что вы скажете о людях? После порубки одного дерева на месте осталось несколько рабочих!

— Отлежатся.

— Но экономическое значение потери рабочей силы? Рабочего времени?

— Ерунда! Пригонят новых рабочих, расходы на доставку невелики, а жратва... М-м-м...

— Совсем ничего не стоит?

— Нет, стоит, конечно. Мсье Чонга уже нажил на ней свой первый миллион. Банановые моторы — выгодные машины. Недаром африканцев у нас еще называют ходячими деньгами.

Ван Эгмонт стал смотреть на раздачу рабочим бананов и отварных бобов: это была заправка моторов горючим, но преступная заправка. Количество энергии, затраченное в таком тяжелом труде, во много раз превышало калорийность этой жалкой пищи. Он подошел ближе, но горящие ненавистью глаза рабочих заставили его вздрогнуть и отойти прочь.

(Продолжение следует)